

УДК 930.85

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-78-90

ИЗОБРАЖЕНИЯ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ («КОПЕЙНЫЙ ЕЗДЕЦ») И КОННОГО ЦАРЯ НА РУССКИХ МОНЕТАХ XV–XVIII ВЕКОВ

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Попытка определить происхождение, смысл, время и поводы к появлению в московской монетной чеканке символа «копейный ездец», который впоследствии обрёл положение ведущего регионального символа.

Процедура и методы. В статье рассматривается конкретный пример выявления имплицитной информации политического характера из нумизматических источников. В исследовании применялся неокантианский метод.

Результаты. Выдвигается концепция, согласно которой изображение «копейный ездец» (св. Георгия на коне), ставшее одним из ведущих символов сначала московской, а затем и российской государственности, взято из западноевропейской, скорее всего, из северо-итальянской иконографии и, возможно, связано с деятельностью гемузских монетариев. Сделан аргументированный вывод, согласно которому изображение «копейного ездоца» изначально не связано с изображением правителя, но в XVI столетии сливается с конным изображением русского царя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историю российской государственной символики.

Ключевые слова: историческая наука, Василий II, Иван III, Юрий Звенигородский, монетарии, «копейный ездец», конное изображение царя, российская государственность, чеканка монет, деньга, аспр

THE EQUESTRIAN IMAGES OF ST. GEORGE («RIDER WITH SPEAR») AND TZAR ON RUSSIAN COINS OF THE 15TH–18TH CENTURIES

D. Volodikhin

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the origin, meaning, time and reasons for the appearance in the Moscow coinage of the «penny rider» (or «rider with a spear») symbol which subsequently acquired the position of the leading regional symbol.

© СС BY Володихин Д. М., 2021.

Methodology. The article considers a specific example of identifying implicit information of a political nature from numismatic sources. The method is neokantian.

Results. A concept is put forward according to which the image of the «penny rider» (St. George on horse), which has become one of the leading symbols of Moscow and then Russian statehood, is taken from Western European, most likely from North Italian iconography and, possibly, is associated with the activities of Genoese monetarians. A reasoned conclusion was made, according to which the image of the «penny rider» was not initially associated with the image of the ruler, but in the 16th century it merged with the equestrian image of the Russian tsar.

Research implications. The results of the study contribute to the history of Russian state symbols.

Keywords: historical science, Vasily II, Ivan III, Yuri Zvenigorodsky, monetaries, «rider with spear», the equestrian image of tsar, Russian statehood, coinage, money, aspron

Введение

Для духовной сферы Московской Руси XIV–XVI столетий необходимо констатировать безоговорочное господство православия, активно влияющего и на государственную политику, и на область политической идеологии, а значит, и на государственную символику.

Складывание национально-государственной символики является одной из значимых составляющих грандиозного процесса формирования централизованных государств в Европе и России на излёте Средневековья, а также в начальный период Нового времени. Для юной России времён Ивана III и его ближайших преемников главными символами подобного уровня становятся двуглавый орёл и «копейный ездец». Если первый из них представляет собой «импорт» идеологической концепции в чистом виде, то второй – явление гораздо более укоренённое в русской почве и, что не менее важно, в почве православной. Это, в сущности, элемент региональной (московской) символики, получивший, в силу присвоения данному региону роли главного центра объединения русских земель, общегосударственный статус.

Но на вопросы о том, когда, по какой причине, при каких обстоятельствах «копейный ездец» обрёл положение ведущего регионального символа, пока не получено ясного и чёткого ответа.

Монетная чеканка в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. вообще напоминает своим разнообразием пёстрый восточ-

ный ковер. Разнобой заметен в весе, пробе монет и, разумеется, в прокламативных элементах оформления.

Понимание смысла тех или иных символов, попавших на монеты, крайне затруднено, в ряде случаев невозможно, более того, локализация и датировка монет, имеющих этот символ, встречает не меньше сложностей. Поэтому многое в большей степени «угадывается», вынужденно пребывает в зоне предположений, а не твёрдого знания. Происхождение, смысл и поводы к появлению в чеканке Великого Московского княжества принципиально нового символа, который получил наименование «копейный ездец», – ещё один из множества предметов дискуссии на этом поле.

Соображения, излагаемые автором в настоящей статье, представляют собой попытку хотя бы отчасти решить проблему, поставленную выше, с использованием нумизматических источников. Это не более чем гипотеза. Источники по данному вопросу настолько скудны, что на нынешнем уровне изученности проблемы нет ни единого шанса окончательно подтвердить или категорически опровергнуть выдвигаемые в данной работе предположения.

Смысл и использование символа «копейный ездец»

«Копейный ездец» – символ, хорошо известный по монетам, а затем по печатям (с 1480–1490-х гг.) великих князей московских. Автор статьи разделяет по-

зицию тех исследователей, кто видит в нём (как минимум, на раннем этапе, до XVI столетия) изображение святого Георгия, поражающего змия.

Популярность этого символа в монетной чеканке Великого княжества Московского росла постепенно. Роль первенствующего, главнейшего была приобретена им далеко не сразу. В период со второй половины XIV до середины XV столетия он значительно уступает по частоте использования иным символам московской государственности: прежде всего, всаднику с соколом в руке, петуху, человеку с секирой. Первенствует, несомненно, «сокольник» или «человек с соколом в руке». А если говорить конкретно о XIV столетии, то присутствие «копейного ездоца» на русской монете для этого периода вообще недоказуемо. Иными словами, названное изображение на монетах Москвы в ту пору, видимо, не использовалось.

Появляется «копейный ездец» на московских монетах в первой половине XV в. Распространённость его как символа, изображаемого на монетах, первые десятилетия растёт медленно, он, стоит повторить и подчеркнуть, явно проигрывает другим типам нумизматической иконографии.

При Иване III (1462–1505 гг.) всадник с копьём оказывается чуть более распространённым среди монетных типов, однако ведущее место всё же не занимает. При Иване Васильевиче намного чаще (фактически массово) эмитируются монетные типы московской деньги с «мечевым» всадником, а вот «копейных» – всего 3 типа [2, с. 32–33]. А при великом князе Василии III (1505–1533 гг.) «копейный ездец» совершенно уходит из монетного производства в Московском государстве и возвращается лишь при Иване IV [2, с. 65–90].

Лидировать в монетном чекане «копейный ездец» начинает лишь с середины XVI столетия, как раз со времён Ивана IV (1533–1584 гг.), и то в «сореволюции» с

тем же «мечевым ездецом» [2, с. 95–128]. Господство «копейный ездец» обретает лишь в царствование его сына, царя Федора Ивановича (1584–1598 гг.) [2, с. 132–143]. Собственно, именно в середине – второй половине XVI столетия знак «копейного ездоца» становится не только наиболее «частотным» символом Российской державы, но и фактически обозначением номинала монеты достоинством в 1 копейку, а «мечевой ездец» – таким же обозначением номинала на гораздо более редкой в чеканке России монете достоинством в 0,5 копейки (деньга).

Большая часть серебряной монеты России второй половины XVI – начала XVIII столетия изготавливается с изображением «копейного ездоца», и это, безусловно, самое распространённое изображение в русской монетной чеканке при последних Рюриковичах, Годуновых, Лжедмитрии I, во 2-м земском ополчении. А при первых Романовых (от Михаила Федоровича до Петра I) он сохраняет абсолютное лидерство в монетной чеканке.

В начале XVIII в. Петр I проводит реформу монетного дела. В связи с этим «копейный ездец» меняет металл, перейдя с серебряных «чешуек» старомосковского типа на крупную медную копейку. Впоследствии он фигурирует на медных монетах Петра II, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, затем вновь исчезает при императоре Павле I.

Позднее, уже в XIX в., этот символ, уйдя с пространства монеты в целом и уменьшившись, переместится на гербовые щиты, расположенные на груди двуглавого орла, который отчеканивали на аверсах общегосударственной монеты России самых разных номиналов – от золотой монеты до медной. В подобном виде «копейный ездец» сохранится на монетах Империи до 1917 г.

В советское время его, конечно же, вычеркнули из государственной символики и, следовательно, уберут с монет. Но после исчезновения советской социали-

стической государственности произойдет его реставрация: сначала на монетах малых номиналов, в размер всего монетного диска, затем – как элемент гербового щита на двуглавых орлах более крупных номиналов. И, разумеется, св. Георгий-всадник будет восстановлен как региональный символ, символ Москвы.

Происхождение и смысл названного символа трактуется по-разному. В «копейном ездеце» в разное время специалисты видели «правителя на коне», «воина», «св. Георгия Победоносца», а также некую фигуру, аккумулирующую сразу несколько смыслов из числа названных выше.

Выше уже было сказано, что автор настоящей статьи принимает в качестве единственно возможной третью из перечисленных трактовку (св. Георгий-всадник). Нумизматические источники говорят о правильности названной версии однозначно: среди монет XV в. (а в XIV в. этого символа в русском чекане ещё не существовало), как правило, обнаруживаются варианты «копейного ездеца» с отлично различимым змием под копытами. Реже – змия не видно или видно плохо. Иначе говоря, у истоков монетного чекана Москвы с данным символом стоит именно св. Георгий, а не правитель и не конный ратник. Позднее, в период Московского царства и Российской империи, появляются варианты, где змия нет. Уточним: если говорить о чекане допетровского и раннепетровского старомосковского типа, то речь идёт о периоде с середины XVI в. до второго десятилетия XVIII в. Предположение Г. А. Федорова-Давыдова, согласно которому «ездец» (имеется в виду любой «ездец», без разбора: копейный или нет) – это «символическое изображение самого князя» [16, с. 131–135], автором этих строк отвергается.

Но этот тезис касается лишь изначального варианта с изображением «копейного ездеца» на московских монетах. Любопытно проследить, когда именно

всадник с копьём лишается элементов иконографии, чётко связывающей его с большим христианским святым, и когда именно он начинается ассоциироваться с государем.

Нумизматический материал Московского государства, хорошо изученный и каталогизированный, позволяет дать чёткий ответ на этот вопрос. При великом князе Иване III на монетах всех трёх типов, отмеченных изображением «копейного ездеца» [2, с. 32–33], видно, что это, с одной стороны, св. Георгий, и под копытами его коня отчётливо виден змий; с другой стороны, на голове у всадника – трёхзубцовая корона, что позволяет видеть в нём ещё и правителя. Так оказались слиты два принципиально разных образа: св. Георгия и государя на коне. Все три монетных типа с «копейным ездецом» отмечены также именем великого князя, написанным арабской вязью. Подобного рода монеты выпускались для хождения на землях Казани, завоёванной в 1487 г. и надолго превращённой в московский протекторат. Можно предположить, что мусульманскому населению, не сведущему в христианской агиографии, показали святого как правителя, желая, быть может, усилить авторитет нового платёжного средства. Впрочем, нельзя исключить и другой версии: изображение св. Георгия в монаршем головном уборе может быть связано с рождением у Ивана III сына Юрия, тезоименитого св. Георгию, весной 1480 г. В честь знаменательного события могло быть запущено несколько монетных эмиссий, представлявших Георгия-Юрия как «царскую кровь», а имя отца на арабской вязи в этом случае связывается с победой над ханом Ахматом на Угре осенью того же года: ордынцам «представляли» победителя, который в будущем может претендовать на власть и над ними. Конечно, это не более чем гипотезы.

При Иване IV (1533–1584 гг.) змия нет ни на одной монете с «копейным ездецом». А вот корона (или подобие «Шапки

Мономаха») присутствует почти у всех – за исключением весьма немногочисленных чеканов Новгородского и Псковского монетных дворов, относящихся ко времени до принятия Иваном IV царского титула в 1547 г. [2, с. 114–115, 125]. И. Г. Спасский и А. С. Мельникова даже писали о возможности прямого портретного сходства между всадником на монетах и живым, постепенно взрослеющим, а затем стареющим Иваном IV [5, с. 121–123; 12, с. 49–53].

Итак, в конце XV столетия два образа сливаются воедино, а в середине XVI в. понимание «копейного ездоца» как царя на коне оказывается преобладающим и продолжит таковым оставаться на российской серебряной монете вплоть до Петра I, точнее, до 1717 г. В 1717 г. «староманерное» серебро (чешуйки) уйдёт из монетного производства. Любопытно, что на петровской медной копейке (массово выпускалась в 1704–1718 гг.) изображение «копейного ездоца» лишается атрибутов как царя, так и святого: ни короны, ни змия [15, с. 183–187]. Изображался некий абстрактный «ездок», сохранивший у народа ассоциацию с государем российским, но для самого Петра I представляющий собой, как видно, архаику, сохраняемую на грани терпения. «Воскреснет» святой Георгий ненадолго при Петре II – на медной же копейке (именно как святой: без короны, но со змием¹), а потом, после перерыва на два царствования, окончательно утвердится на монетах императрицы Елизаветы Петровны – как святой, безо всяких признаков царственности [15, с. 192, 196].

Происхождение символа «копейный ездец»

Итак, пришло время вернуться к вопросу о происхождении названного символа в момент самого раннего появления

его в монетной чеканке Москвы. Можно назвать две более или менее обоснованные трактовки вопроса.

Первая из них, менее вероятная, состоит в том, что великокняжеские чеканщики решили воспользоваться дурно расшифрованной символикой крупного малоазийского православного государства, Трапезундской империи. Там со времён императора Алексея II (1297–1330 гг.) до правления императора Иоанна IV (1447–1458 гг.) включительно чеканились серебряные аспры с конными портретами св. Евгения Трапезундского и правителя (на другой стороне). У «соседей», государей Киликийской Армении, конное изображение государя появилось на монетах раньше, оно могло быть воспринято ими от антиохийских крестоносцев (у них, кстати, это был не государь, а именно св. Георгий-змееборец) или сельджуков Рума и, возможно, трапезундцы переняли его у армян. Св. Евгений на монетах Трапезунда держит в руке длинную крестовину, а император – скипетр. Притом в XV в. изображения обоих становятся до такой степени грубыми и слабо читаемыми, что и крестовину, и скипетр нетрудно было принять за копьё; этому могло способствовать ещё и другое обстоятельство: трапезундская монета мельчает, на сравнительно небольших «чешуйках» позднего чекана порой вообще не очень просто что-либо разобрать. Иконографически оба портретных изображения недалеки от московского «копейного ездоца». Монеты Трапезундской чеканки были знакомы Москве, как минимум, по торговым и политическим отношениям с крымским княжеством Феодоро, где трапезундская монета ходила в больших массах (подтверждается археологическими находками).

Любопытно, что другой символ русской государственности (в основе своей – старомосковской государственности) был, вероятно, также связан с «импортом» из Трапезундской империи. Речь идёт о двуглавом орле, который чеканил-

¹ Хотя копейки Петра II и выглядят, мягко говоря, экзотично: большой святой из III в. н.э. восседает на коне в европейской широкополой шляпе Нового времени.

ся на поздней меди трапезундцев, а не только присутствовал в Палеологовской символике. Так, например, двуглавый орёл совершенно отчётливо прочитывается на медных монетах императоров Иоанна II Великого Комнина (1280–1297 гг.) и Алексея III Великого Комнина (1349–1390 гг.)¹

Теоретически иконография святого Евгения Трапезундского напоминает иконографию святого Георгия-Победоносца. Современному человеку может показаться, что принять одного за другого не столь уж сложно, более того, могла произойти «трансформация» иконографии, так сказать «по подобию». Но для образованных книжников Средневековья подобная путаница вряд ли представима. Поэтому первая трактовка вопроса содержит натяжку.

Более правдоподобной выглядит вторая трактовка: в «копейном ездеце» великого княжества Московского легче увидеть вариацию на тему иконографии св. Георгия, распространённой в Западной Европе.

Важная оговорка: именно западной, а не трапезундской, византийской, южнославянской и собственно русской. На монетах и печатях Константинопольской империи св. Георгий присутствует как минимум с XI столетия, а в XII столетии его изображения получают весьма широкое распространение на электровых аспрах Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) и медных тетартеронах Мануила I Комнина (1143–1180 гг.). Да и позднее, вплоть до второй половины XIII столетия, на византийской монете (включая сюда чеканку монетного двора в Магнезии) св. Георгий встречается нередко. Как тезоименитый правителю, св. Георгий помещался на монетах трапезундского

императора Георгия I Великого Комнина (1267–1280 гг.). На Руси св. Георгий как символ используется в монетном деле с первой половины XI в. – на хорошо известных сребрениках Ярослава Мудрого.

Но даже самое внимательное прочтение символики нумизматических памятников как древнерусской, так и византийской государственности указанного периода не позволяет найти схожие типы изображения. Во всех перечисленных случаях это другая, притом широко распространённая, иконография св. Георгия. На монетах и печатях видны погрудные изображения святого, порой поясные или ростовые. Святой Георгий-всадник не используется монетариями и не появляется на памятниках сфрагистики. Более того, сам факт появления конных портретов в чекане «Империи ромеев» – явление раритетное, случайное. При Палеологах, видимо, под влиянием западноевропейской монеты, конные портреты появляются в середине XIV столетия, используются на протяжении несколько десятилетий (притом нечасто, можно сказать, на периферии монетного производства) и исчезают в первой четверти XV в. Стоит подчеркнуть: ни один из монетных типов подобного рода не может трактоваться как изображение св. Георгия.

Св. Георгий-всадник, поражающий копьём змия, вообще исключительно редок в византийском искусстве, и уж точно в искусстве столицы Империи, духовном и интеллектуальном средоточии державы. Следует назвать разве что фрески в провинциальных храмах малоазийской области Каппадокии (постройки XI в.), Кипра (постройки конца XII в.), Крита (последние – поздние, Палеологовской эпохи) [13, с. 107]. Во всех случаях это периферийные области Империи.

Святой Георгий-конник с копьём, поражающий змия, слабо известен и русским художникам вплоть до XV–XVI вв. В качестве исключения можно назвать фреску «чудо св. Георгия о змие» в Георгиевском храме Старой Ладogi. Но здесь

¹ Прим.: Наиболее полно представлены в книге Соколовой И. В. [11] и на электронном ресурсе Labarum project: Монеты Византии, Трапезунда и Христианского Востока <http://labarum.info/cat/thumbnails.php?album=72>; <http://labarum.info/cat/thumbnails.php?album=44> (дата обращения 11.03.2020).

возникает серьёзная проблема с датировкой: появление памятника живописи напрямую связано с датой соответствующего этапа строительных работ храмового здания церкви; а время её возведения не отражено в письменных источниках: ни в летописях, ни в документах. Отсюда – известный спор В. Н. Лазарева и В. Д. Сарабьянова по этому поводу. Впрочем, проблема шире спора между этими двумя исследователями.

В сущности, нынешняя датировка возведения этой церкви (XII в., где-то между 1180 г. и 1200 г.) основывается на хрупких рассуждениях, связанных со стилистикой зодчества и, весьма возможно, будущие исследования скорректируют её, отнеся к значительно более позднему времени. Ведь в письменном источнике храм упоминается впервые лишь под 1445 г.

В. Д. Сарабьянов, видимо, понимая всю уязвимость своих теоретических построений, делает ряд оговорок, оставляющих всё же вопрос о датировке первого здания храма открытым. Имеет смысл привести значительный фрагмент из его монографии, специально посвящённой этой церковной постройке: «Георгиевская церковь представляет собой характерный для Новгорода второй половины XII столетия вариант четырёхстолпного храма, увенчанного одной главой и имеющего три равновысокие апсиды ... Существующая ныне церковь св. Георгия возведена на более древних фундаментах. Недавние исследования памятника показали, что его первоначальный план имел принципиальные типологические отличия от существующей постройки. Согласно первоначальному замыслу, боковые апсиды храма были пониженными, а хоры в нём отсутствовали. Подобный тип храма, редкий для древнерусского зодчества XII в., известен нам на примере двух построек архиепископа Нифонта – Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове (ок. 1140 г.) и ... Климентовской церкви в Старой Ладогe (1153 г.). Логично предпо-

ложить, что Георгиевская церковь также была заложена ещё при владыке Нифонте, т. е. в середине 1150-х гг. Однако после его кончины в 1156 г. возведение церкви было отложено на неопределённый срок. Возобновление строительства произошло уже в другой период деятельности артели, когда новгородскими зодчими был разработан и хорошо усвоен новый тип небольшого храма с тремя высокими равновеликими апсидами и хорами, на которые вела внутрстенная лестница в толще западной стены. Этот тип храма, сложившийся в 1160–1170-х г., во многом определял новгородское строительство вплоть до конца XII столетия. Строители церкви использовали старый фундамент, мастерски приспособив его к новой типологии храмового здания, но это неизбежно повлекло за собой отмеченное нарушение пропорциональных соотношений ... В нашем распоряжении нет никаких документальных сведений о времени постройки Георгиевской церкви и украшения её фресками. Основываясь на технологических особенностях памятника, можно с уверенностью констатировать лишь тот факт, что возведение храма и написание фресок произошли почти одновременно, с перерывом не более чем на год. Однако художественные, типологические и иконографические особенности архитектуры и стенописи позволяют достаточно уверенно ограничить время создания памятника последними двумя десятилетиями XII в. Определённость подобной датировки, основывающейся на категориях, не подлежащих, казалось бы, строго рациональному анализу, не должна тем не менее вызывать скептическое отношение. Не следует забывать, что эволюция средневекового искусства, являясь во многом коллективным процессом, опирающимся на веками вырабатываемые каноны и правила, весьма последовательно и объективно отражала закономерности исторического и духовного развития общества. Поэтому постижение этого процесса во всей его полноте

позволяет порой очень точно определить время строительства храма, создания фрески или иконы» [9, с. 4, 8–9].

Итак, с одной стороны, «логично предположить...», с другой – «определённость подобной датировки, основывающейся на категориях, не подлежащих, казалось бы, строго рациональному анализу, не должна, тем не менее, вызывать скептическое отношение...». Должна и вызывает. А последние строки приведённой выше цитаты больше напоминают не научную аргументацию, а заклинание или самоуверение автора. Строительство храма могло происходить и гораздо позднее, пусть и под влиянием более древних образцов...

Фактом же остаётся то, что время строительства фундаментов неизвестно, время возведения храма в неполном соответствии с фундаментами тоже неизвестно и, следовательно, датировка фрески по сию пору – нерешённая научная проблема.

Такой знаток древнерусской архитектуры домонгольского периода как П. А. Раппопорт осторожно пишет: «Датировка памятника не вполне ясна. Большинство исследователей относят его к XII в., главным образом, ко второй его половине»; и далее идёт ссылка на мнение В. Н. Лазарева, относившего возведение храма к 1160-м гг. на основе «предполагаемой связи храма с политическими событиями», – иначе говоря, опираясь на весьма зыбкую почву [8, с. 78].

В целом же следует сказать, что вопрос о том, когда именно распространилась в древнерусской живописи иконография св. Георгия на коне, попирающем змия, требует дальнейшего основательного изучения. Даже если правы те, кто с максимумом оговорок датирует названную фреску в ладожской Свято-Георгиевской церкви XII столетием, единичный факт тенденции не создаёт.

Та же ситуация и с памятниками сфрагистики. До настоящего времени известна лишь одна печать (в 3-х экземпля-

рах) домонгольского времени, которая совершенно определённо несёт на себе конный портрет св. Георгия; датировка и атрибуция её вызывают вопросы: это, возможно, печать князя Всеволода Юрьевича (1220-е гг.), однако её также соотносят и с некоторыми другими князьями XIII столетия, в частности, с его отцом и дедом; более того, на этой печати св. Георгий-всадник не имеет в руках оружия, а под копытами его коня нет чудовища [13, с. 109–111]. Таким образом, названная иконография далека от традиционных изображений московского «копейного ездоца» как змееборца.

Тогда откуда же пришла в Москву иконография св. Георгия-всадника? Вероятно, изображение св. Георгия на коне, сражающегося со змием, ставшего прототипом для символа, принятого московскими монетариями («копейного ездоца»), привито старомосковской культуре не новгородцами и не представителями «Империи ромеев», а мастерами-денежниками одного из государств Северной Италии.

Их трудом великие князья московские пользовались в режиме откупов, которые могли быть пожалованы частным лицам. Источники отмечают подобную практику при Иване III. Но скудость документов по средневековой Москве XIV–XV столетий позволяет заподозрить, что она существовала и ранее, просто не может быть прослежена по дошедшей до наших дней источниковой базе.

Для западноевропейской традиции св. Георгий на коне, с копьём, своего рода «рыцарственный святой» – изображение широко распространённое. Притом не только в живописи, но и на монетах. Антиохийское княжество крестоносцев ещё в XII в., при Рожере Салернском, выпускало монету с именно такой иконографией св. Георгия. Мало того, видимо, от крестоносцев она перешла к сельджукам Рума, также чеканившим монеты со всадником схожего вида. Такой же «святой рыцарь» характерен и для Северной

Италии, особенно же для геральдики Генуи – «республики святого Георгия».

Уместно предположить, что определённое влияние на «иконографию» московского ездоца оказала именно генуэзская геральдика, в частности, символика генуэзского банка св. Георгия, известная в Москве, например, по медным монетам Каффы (фолларо) середины XV в., а также по торговым связям с Генуей.

Влияние новгородской и в целом северо-русской традиции изображения Георгия-воина на московскую утверждал В. Н. Лазарев, в то время как полемизировавший с ним М. В. Алпатов с некоторой натяжкой пытался напрямую связать редкие византийские изображения конного св. Георгия с поздними московскими [1, с. 292–310; 4, с. 217–220]. А вот Н. А. Соболева прямо писала о северо-итальянском влиянии на московские конные изображения Георгия-воина, правда, лишь при Иване III [10, с. 100–120].

Утверждение «копейного ездоца» в качестве регионального московского символа произошло *намного ранее правления Ивана III*. Вполне допустимо предположение Н. Д. Мец, согласно которому великий князь московский Юрий Дмитриевич, тезоименитый св. Георгию, в 1434 г. «...на своих монетах помещает изображение всадника с копьём, поражающего змея. Изображение всадника с копьём вытесняет изображение всадника с соколом в чекане великого княжества Московского и остаётся в нём также после возвращения Василия II в Москву. В дальнейшем ему суждено будет стать основным монетным типом Московского княжества и даже его гербом в образе «ездца с копьём»» [6, с. 54].

Предположим, что именно Юрий Дмитриевич призвал генуэзских монетариев из Каффы. Или он воспользовался услугами уже известной с более ранних времён бригады монетариев для чеканки монет с избранным символом. Это возможно. Ведь нет твёрдо установленной датировки появления мастеров-денеж-

ников при дворе московских правителей. Более того, надо отметить, что качество и технология изготовления колониальных генуэзских аспров Каффы XV в., аспров, предположительно отчеканенных в Тане, а также малых аспров позднего Трапезунда весьма схожи с монетной чеканкой как в Крымском ханстве ранних Гиреев (акче), так и в Московском великом княжестве Калитичей, преемников Дмитрия Донского (деньга).

В данном случае мы обращаемся к монете как к вещественному источнику. И под этим углом зрения открывается разительное сходство огромного количества массовых эмиссий серебряной монеты XV столетия в Восточной Европе и Малой Азии. Вес тысяч и тысяч нумизматических памятников, открытых археологами и лежащих в музеях, а также попавших в частные коллекции, пребывает в диапазоне от 0,5 г. до 1,0 г. Серебро Трапезунда периода самостоятельной государственности (до 1461 г.), Крымского ханства (с середины XV столетия), Московской Руси (на протяжении всего XV в.), Таны (нет чёткой хронологической привязки, но, скорее всего, первые три четверти XV в., и, возможно, чеканка производилась по заказу княжества Феодоро), а также генуэзской Каффы (20-е–70-е гг. XV столетия) – привозное. Его во всех перечисленных случаях получали не из собственных рудников, а от торговли, пошлин, а также из военной добычи.

Что касается производства аспров, акче, московских денег на этом колоссальном пространстве, то оно имело однотипный характер. Из серебра «волочили» проволоку. Разрубив её на маленькие кусочки, впоследствии эти фрагменты плющили и осуществляли на полученных заготовках чеканку монеты. Состояние многих тысяч монет греческого, итальянского, татарского и русского происхождения позволяет судить об этом без тени сомнения.

Следует отметить также и тот факт, что во всех перечисленных случаях мо-

нетариев не интересовало достижение высокого уровня качества. Нормальным делом считались сдвиг штемпеля и значительный отход веса монеты от нормативного. В большинстве случаев часть надписей и изображений прочитать в принципе невозможно: в процессе чеканки они «ушли» за пределы монетного диска.

Принципиальной разницы в рабочих процессах нет, как нет её и в эстетическом уровне продукции. Наверное, имеет смысл сделать акцент на этой концепции: в XV столетии целый ряд типов трапезундских и каффинских аспров, акче Хаджи-Гирея, Нур-Давлета, Менгли I Гирея (в меньшей степени), а также ряда более поздних крымских ханов до середины XVI столетия даже в композиционном оформлении легенды и изображений имеют явное сходство как между собой, так и с московской великокняжеской деньгой времён Василия II Тёмного и Ивана III Великого. На деньгах Ивана III двух типов [2] по центру размещена 8-лучевая звезда в круге, а по краям – арабская надпись с обозначением номинала. На целом ряде крымско-татарских монет, отчеканенных при названных выше правителях, также по центру изображена звезда (колесо?), только с меньшим количеством лучей. Родовая тамга Гиреев располагается чаще всего в ободке, имеющем форму круга (сплошного или из точек), а время от времени – ромба, совершенно так же, как на многих типах каффинских аспров расположен символ эмиттента – «замок». На деньге другого типа, относящейся к правлению того же Ивана III, с именем великого князя, переданным по-арабски («Ибан») в круге по центру монеты [2], другая сторона занята изображением «копейного ездоца».

Поневоле возникает предположение: а не обслуживала ли одновременно несколько государств одна корпорация каффинских денежных мастеров? Или шире – денежных мастеров генуэзского происхождения? Подтвердить прямо и

веско эту идею невозможно за отсутствием документальной базы, но косвенные признаки использования «общей команды» или хотя бы «общей традиции» в работе монетариев, связанных, видимо, с итальянскими колониями в Крыму, налицо. Эти признаки относятся как к сфере производства, так и к сфере оформления нумизматических памятников.

В. В. Зайцев оспаривает идею Н. Д. Мец, полагая, что сюжет с всадником-змееборцем мог появиться уже в чекане Василия I (1389–1425 гг.), но доказательств его спорны [3, с. 27–28]. В частности, он опирается на чекан с «копейным ездоцем», который упоминался ещё у И. И. Толстого, приписан великому князю московскому Василию Дмитриевичу А. В. Орешниковым и Г. А. Федоровым-Давыдовым: там круговая легенда вроде бы читается «КНЯЗЬВЕЛИКИВАСИДМ» [7, с. 91; 16, с. 29]. Но, во-первых, такая монета известна всего в одном экземпляре; во-вторых, «ДМ» в конце круговой легенды читается неуверенно, это может быть и грубо вырезанное либо поврежденное «ЛИ»; в-третьих, нигде более на монетах Василия I не видно странного сокращения имени великого князя «ВАСИ»; наконец, в-четвёртых, монеты аналогичного чекана явно дают в конце «ЛИ» [16, с. с. 29, 209], а значит, это мог быть и чекан Василия II, что уже никак не противоречит теории Н. Д. Мец о распространении «копейного ездоца» лишь с 1430-х гг., со времён правления Юрия II и Василия II.

Аргумент о тезоименитстве государя и большого православного святого всё же даёт серьёзную почву для данной гипотезы о происхождении «копейного ездоца» в чекане Москвы. Имеет смысл добавить ещё один аргумент в пользу этой концепции. Имя Георгия-Юрия и далее будет одним из самых распространённых у династии московских Рюриковичей-Калитичей. Так, двое сыновей Василия II получают имя Юрия, а вслед за тем один сын Ивана III и один сын Василия III

(брат Ивана Грозного). Чеканка монеты с изображением святого, тезоименитого сыну, – логичный шаг с т. зр. государя-отца. Так же, как и в некоторых случаях, чеканка монеты с изображением святого, тезоименитого брату, – логичный шаг с т. зр. государя-брата.

Что же касается влияния денежных мастеров-итальянцев на весь строй московской монетной чеканки, то оно до настоящего времени является научной проблемой, не получившей сколько-нибудь полного раскрытия, а потому требует углублённого внимания. Интенсивные связи Московского великого княжества с Северной Италией, активизировавшиеся в середине XV столетия, ни для кого не секрет, как и работа в Москве множества итальянских мастеров самого разного профиля (архитекторы, литейщики, типографы, военные инженеры). Итальянцы («фряги») привлекались в Московской Руси, среди прочего, и к монетной чеканке. Конечно, это могли быть и мастера из генуэзских колоний Северного Причерноморья.

О службе «фряжских» монетариев великим князьям московским свидетельствуют, как минимум, два факта, известных из хорошо изученных источников. Это, во-первых, служба при дворе Ивана III «денежного мастера Ивана Фряжина» (Джан Баттиста делла Вольпе из Виченцы) [17, с. 138–144]; и, во-вторых, появление в Москве монет с надписью «Ornistoteles», ныне убедительно атри-

бутированных Аристотелю Фиораванти [14, с. 160–164]. Прочие предположения в этой сфере (что итальянцами были некий денежный мастер «Александр», «Заманин-Замантоний», а также автор надписи на монете «дозор») дискуссионны, однако до настоящего времени не опровергнуты.

Заключение

Итак, подведём итоги: наиболее вероятным вариантом происхождения символа «копейный ездец» в московской монетной чеканке является использование западноевропейской иконографии св. Георгия-змееборца, которая оказалась транслирована на Русь через итальянских мастеров-«денежников».

В сущности, вопрос, на который пока нет ответа, состоит лишь в том, когда именно Москва впервые призвала к себе на службу первого итальянского монетария. Но нет ничего удивительного и невозможного в том, что этот первый денежный мастер на великокняжеской службе мог появиться в 1430-х гг.

А для национально-государственно-го развития страны важен, прежде всего, тот факт, что Московская Русь выбрала и утвердила для себя символ христианского происхождения в качестве основного в административном и финансовом быту. Это показывает, сколь значительное место её духовной жизни занимало православие.

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. 1956. Т. XII. С. 292–310.
2. Гарост С. А. Монеты России. 1462–1717 : каталог-справочник. 2012. 560 с.
3. Зайцев В. В. Материалы по русской нумизматике XV века. Киев, 2004. 144 с.
4. Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. 1953. Т. VI. С. 186–222.
5. Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. XVII. С. 121–133.
6. Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник (Материалы к сводному каталогу). Ч. 3. М., 1974. 145 с.
7. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М., 1996 (репринт издания 1896 г.). 306 с.
8. Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. 136 с.

9. Сарабянов В. Д. Георгиевская церковь в Старой Ладoge. М., 2003. 96 с.
10. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. 487 с.
11. Соколова И. В. Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV. С. 61–75.
12. Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Государственного Эрмитажа (Сообщения Государственного Ордена Ленина Эрмитажа). 1976. Т. XLI. С. 49–53.
13. Степаненко В. П. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода // Проблемы истории России : сборник научных трудов. Выпуск. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 106–117.
14. Таценко С. Н. Кто такой Ornistoteles? // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова / ред. И. В. Волков, В. В. Зайцев, К. В. Орлов. М., 2015. С. 158–164.
15. Уздеников В. В. Монеты России. 1700–1917. М., 1986. 504 с.
16. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое централизованное государство). М., 1981. 222 с.
17. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты – свидетели прошлого. М., 1985. 194 с.

REFERENCES

1. Alpatov M. V. [The image of George the warrior in the art of Byzantium and Ancient Russia]. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature], 1956, vol. XII, pp. 292–310.
2. Harost S. A. *Monety Rossii. 1462–1717 : katalog-spravochnik* [Russian Coins. 1462–1717 : catalogue-reference]. 2012. 560 p.
3. Zaitsev V. V. *Materialy po russkoi numizmatike XV veka* [Materials on Russian numismatics of the 15th century]. Kiev, 2004. 144 p.
4. Lazarev V. N. [A new monument of easel painting of the 12th century and the image of George the warrior in Byzantine and Old Russian art]. In: *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine timeline], 1953, vol. VI, pp. 186–222.
5. Melnikova A. S. [Place of coins of Ivan the Terrible among the monuments of the ideology of autocratic power]. In: *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny* [Ancillary Historical Disciplines], 1985, vol. XVII, pp. 121–133.
6. Mets N. D. [Coins of the Grand Duchy of Moscow (1425–1462)]. In: *Numizmaticheskii sbornik (Materialy k svodnomu katalogu). Ch. 3* [Numismatic collection (Materials for the consolidated catalog). Part 3]. Moscow, 1974. 145 p.
7. Oreshnikov A. V. *Russkie monety do 1547 goda* [Russian coins before 1547]. М., 1996 (reprint of the 1896 edition). 306 p.
8. Rappoport P. A. *Russkaya arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamyatnikov* [Russian architecture of the 10–13th centuries. Monuments catalog]. Leningrad, 1982. 136 p.
9. Sarabyanov V. D. *Georgievskaya tserkov v Staroi Ladoge* [St. George Church in Staraya Ladoga]. Moscow, 2003. 96 p.
10. Soboлева N. A. *Ocherki istorii rossiiskoi s imvoliki. Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta* [Essays on the history of Russian symbolism. From tamga to symbols of state sovereignty]. Moscow, 2006. 487 p.
11. Sokolova I. V. [Copper coins of the Trebizond Empire from the Hermitage collection]. In: *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy]. 1984, vol. XIV, pp. 61–75.
12. Spassky I. G. [To the lifetime iconography of Ivan the Terrible]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ordena Lenina Ermitazha)* [Reports of the Order of Lenin State Hermitage Museum (Reports of the State Hermitage Museum)], 1976, vol. XLI, pp. 49–53.
13. Stepanenko V. P. [The image of St. George the Horseman in Byzantine and Old Russian sfragistics of the pre-Mongol period]. In: *Problemy istorii Rossii: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3: Novgorodskaya Rus': istoricheskoye prostranstvo i kulturnoye nasledie* [Problems of the history of Russia: a collection of scientific works. Issue 3: Novgorod Rus: historical space and cultural heritage]. Yekaterinburg, 2000. P. 106–117.

14. Tatsenko S. N. [Who is Ornistoteles?]. In: Volkov I. V., Zaitsev V. V., Orlov K. V., eds. *Russkoe denzhnoe obrashchenie v X–XVII vv. Numizmaticheskii sbornik k 60-letiyu Petra Grigorevicha Gaidukova [Russian money circulation in the 10–17th centuries. Articles on numismatics for the 60th anniversary of Pyotr Grigorievich Gaidukov]*. Moscow, 2015. P. 158–164.
15. Uzdrenikov V. V. *Monety Rossii. 1700–1917* [Coins of Russia. 1700–1917]. Moscow, 1986. 504 p.
16. Fedorov-Davydov G. A. *Monety Moskovskoi Rusi (Moskva v borbe za nezavisimoe tseentralizovannoe gosudarstvo)* [Coins of Moscow Russia (Moscow in the struggle for an independent centralized state)]. Moscow, 1981. 222 p.
17. Fedorov-Davydov G. A. *Monety – svideteli proshlogo* [Coins as witnesses of the past]. Moscow, 1985. 194 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: volodih@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. Изображения святого Георгия («копейный ездец») и конного царя на русских монетах XV–XVIII веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 78–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-78-90

FOR CITATION

Volodikhin D. M. The equestrian images of St. George («rider with spear») and tzar on Russian coins of the XV–XVIII centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 4, pp. 78–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-4-78-90